

К ВОПРОСУ О НЕОЛИТИЗАЦИИ В ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В. А. Зах, Д. Н. Еньшин

TO THE QUESTION OF NEOLITHISATION IN THE FOREST-STEPPE OF WESTERN SIBERIA

V. A. Zakh, D. N. Yen'shin

В статье рассматриваются вопросы формирования неолитических комплексов на территории Западной Сибири от Притоболя до Кузнецкой котловины. Достаточно длительное время считалось, что сложение западно-сибирских неолитических комплексов произошло на основе мезолитических, уходящих своими корнями в местный палеолит. Традиционно считается, что керамическое производство на этой территории возникло самостоятельно, а наиболее древней является остро- и круглодонная посуда с отступающим и прочерченным орнаментом. Однако открытие и исследование в последние десятилетия к востоку от склонов Урала комплексов т. н. боборькинской культуры позволило изменить представления на формирование и развитие западно-сибирского неолита и процесса неолитизации на восточных территориях равнины. В понимании этих проблем большое значение имеют материалы поселений мергенского района Нижнего Приишимья, Автодром 2/2 в лесостепной Барабе и Иня 11 в Присалаирье, позволяющие проследить процесс продвижения боборькинских коллективов на восток и внутреннее развитие в мигрантских обществах.

Становление, развитие неолитической культуры в Западной Сибири и миграционный процесс приходится на конец бореального – начало атлантического периода голоцена, характеризующимся постепенным увеличением аридности климата и остепнением ландшафтов. Боборькинские поселки приурочены к речным и озерным террасам, а позднее сооружаются в поймах, у русел рек и береговой линии озер. Эти комплексы на побережье озера Мерген датируются атлантическим временем (Ки 17070 7290±140; ОхА 27615 7321±33; ОхА 27706 7147±38). Боборькинской и кошкинской керамике мергенских поселений близка посуда поселка Автодром 2/2 расположенного в Барабе, с другой стороны в комплексе Автодрома 2/2 находятся сосуды с орнаментом в виде овальных вдавлений присутствующих на керамике поселения Иня 11. Сходство с керамическим комплексом Иня 11 имеет и посуда поселения Мерген 7, отмечающееся в форме сосудов, профилировке венчиков и отступающей технике нанесения узора. Материалы поселения датируются серединой атлантического периода голоцена (СОАН 8897 5790±115; СОАН 8898 5705±95; СОАН 8899 5765±95).

Судя по материалам рассматриваемых комплексов процесс формирования лесостепных западносибирских неолитических обществ происходил, на наш взгляд, на основе мигрирующего населения с включением местных групп с докерамическим хозяйством.

The paper deals with the development of the Neolithic complexes in Western Siberia from the Tobol river to the Kuznetsk Basin. For a long time it has been considered that the forming of the West Siberian Neolithic complexes was based on the Mesolithic ones, rooted in the local Paleolith. It is traditionally thought that pottery production in this area arose independently, and the most ancient ceramics is sharp-pointed and round-bottomed vessels with a receding and drawn-line decoration. However, the discovery and research of complexes of Boborykino culture in the past decade to the east of the Urals allowed to change the conception of the formation and development of the West Siberian Neolith. For understanding these issues the materials of the settlements on Lake Mergen in Low Ishim basin, Avtodrom 2/2 in the forest-steppe Baraba and Inya 11 in the Salair Ridge area (Prisalairie) have great significance. They allow us to trace the process of Boborykino groups moving to the east and the internal development in migrant communities.

Formation and development of Neolithic culture in Western Siberia and the migration process took place at the end of the Boreal and the beginning of Atlantic Holocene period, which is characterized by a gradual increase aridity of the climate and steppe formation landscape. At first Boborykino sites were located on river and lake terraces, and later they were constructed in floodplains, by river beds and lakes shoreline. These complexes on the coast of Lake Mergen are dated by the Atlantic period (Ki 17070 7290 ±140 BP; OxA 27615 7321 ±33 BP; OxA 27706 7147 ±38 BP). The pottery of the Boborykino and Koshkino cultures from settlements of Lake Mergen is similar to the Avtodrom 2/2 ones. On the other hand in the complex of the Avtodrom 2/2 there are vessels with an ornament in the form of oval depressions similar to decoration on ceramics of the Inya 11 site. They noted the similarity between ceramics of Inya 11 and Mergen 7 which have the same form of vessels and ornamentation in receding technique. Materials of the settlement date to the mid-Atlantic Holocene period (SOAN 8897 5790±115 BP; SOAN 8898 5705±95 BP, SOAN 8899 5765 ±95 BP).

According to the considered complexes, the process of Western Siberian forest-steppe Neolithic societies formation was based on the interaction between migrants and local population of pre-pottery period.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Приишимье, Бараба, Присалаирье, боборькинская, полуденковская, верхнеобская неолитическая культуры.

Keywords: Western Siberia, Low Ishim basin, Baraba, Prisalairie, Neolith, Boborykino culture, Poludenka culture, Verkhneobskaya culture.

Западносибирская лесостепь протянулась неширокой полосой (200 – 300 км с севера на юг) от восточных склонов Урала до Енисея. В западной части (Тоболо-Ишимье) северная граница проходит по кромке осиново-березовых лесов, южная почти по границе с Казахстаном, частично в Прииртышье и в Барабе с Кулундинской степью. В этой части Западной Сибири лесостепь в меридиональном направлении с юга на север пересекают Иртыш и его притоки Ишим и Тобол. В Барабинской лесостепи реки Омь, Тартас, Каргат и Чулым имеют широтное направление, первые две принадлежат Иртышскому бассейну, последние впадают в оз. Чаны. Лесостепные территории Присалаирья и Приобья лежат в юго-восточной части Западной Сибири, с запада граничат с обширными пространствами Барабинской низменности, с юга и юго-востока – с залесенными склонами Кузнецкого Алатау и Саяно-Алтая, с севера – с таежными районами. Самая значимая водная артерия, р. Обь, протянулась здесь почти в меридиональном направлении. Наиболее крупные ее правобережные притоки – реки Иня, Томь, Бердь берут начало в отрогах Кузнецкого Алатау и Салаирского кряжа.

В северной лесостепи преобладают осиново-березовые колки, занимающие до 60 % площади, к югу их становится меньше. На дренированных участках растут черемуха, жимолость, шиповник, боярышник, смородина. На открытых пространствах развивается густой травостой из мезофильных растений. Между колками расположены остепненные луга с обилием бобовых, тысячелистника, из злаковых – вейника, мятлика, тимофеевки. В южной части увеличивается число степных растений и разнотравья. На солончаках растет полынь, эстрагон и типчак. Под колками и ленточными борами, где грунтовые воды залегают неглубоко, развивается камыш и покров из зеленых мхов, плаунов и брусники. На песчаных участках надпойменных террас вдоль рек растут сосновые боры, в поймах и на склонах террас – черемуха, смородина, малина. Предгорья и отроги Алтая и Салаирского кряжа покрыты темнохвойными лесами с участием березы и осины.

В междуречьях в лесостепи находится масса озер, наиболее крупные из которых: система Андреевских озер, Мергень, Большие и Малые Чаны, Сарглан, в пределах долин крупных рек много стариц. Обь в границах лесостепной территории имеет широкую, до 10 км, пойму с массой пойменных озер и останцов, большинство из которых уничтожено в результате сооружения Обского водохранилища. Притоки р. Оби в отдельных местах также разработали достаточно широкую пойму со множеством стариц и останцов высоких террас.

Животный мир лесостепи разнообразен, состоит из обитателей лесов и степей. Водятся медведь, лось, косуля, лисица, заяц. В борах много боровой дичи – глухарей, тетеревов, куропаток, рябчиков. На озерах гнездится масса уток, гусей и журавлей. Многочисленные водоемы изобилуют рыбой.

Судя по палеогеографическим исследованиям климат западносибирской равнины в постледниковое время несколько раз претерпевал глубокие изменения, что приводило к перестройкам ландшафта и, как

следствие, передвижениям человеческих коллективов. Заселение равнины и процесс формирования неолитических комплексов происходил, судя по всему, в бореальный (БО) и атлантический (АТ) палеоклиматические периоды голоцена, выделяемые Н. А. Хотинским [31], и продлившиеся более 4000 лет с IX по V тыс. до н. э. Первый характеризуется теплым и влажным климатом и развитием темнохвойной тайги в северных районах Сибири. На Русской равнине и на юге Западной Сибири в это время господствуют березовые леса, вероятно, в условиях холодного и сухого климата. Климат и ландшафты атлантического периода неоднородны, выделяется аридностью и высокими температурами средний этап (АТ²), когда происходит некоторое обмеление водоемов, прекращение половодий и, вероятно, смещение на север границы леса.

В плейстоценовое время Западная Сибирь была крайне слабо заселена, а в конце сартанского оледенения на территорию в условиях лесостундр в средней части и холодных сухих степей в пределах современных лесостепей и степей, проникало ограниченное количество населения с сопредельных пригорных областей (Урал, бассейн Енисея), деятельность которых была привязана в основном к местам скопления мамонтовой фауны, связанной с выходами естественных солончаков [24; 14]. Но комплексы таких стоянок, как Черноозерье 2, а возможно, и Венгерovo 5 и Новотартасская свидетельствуют об определенной самостоятельности развития групп населения в пределах Западносибирской равнины [24].

Произошедшие последующие коренные изменения климата и ландшафтов привели к смене холодных степей и тундр, распространенных на территории современной лесостепи на березовые и сосновые леса, лесостепные и степные растительные ассоциации, а плейстоценовый фаунистический комплекс – современными видами животных. Изменения привели к развитию каменной индустрии, хозяйства и, скорее всего, социальной организации человеческих коллективов, но судя по количеству поселенческих комплексов, заселенность территорий осталась прежней. В лесостепи открыто около восьми мезолитических стоянок, расположенных от Приисетья до междуречья Томи и Чулыма [10]. На стоянках, как правило, нет долговременных углубленных в материк жилищ. Инвентарь изготовлен из различных пород камня, с преобладанием пластинчатой индустрии. Характерной чертой кремневых комплексов является практически полное отсутствие геометрических микролитов. Судя по спорово-пыльцевым спектрам и каменного инвентаря из культурного слоя поселения Катенька, расположенного на оз. Мергень в Нижнем Приишимье, человек осваивал окрестности озера, скорее всего, в конце бореального периода голоцена, около 9 тыс. л. н.

До недавнего времени доминировала точка зрения о сложении западносибирских неолитических комплексов на основе мезолитических, уходящих своими корнями в местный палеолит. Традиционно считалось, что керамическое производство на этой территории возникло самостоятельно, а наиболее древней является остро- и круглодонная посуда с отступающим и прочерченным орнаментом [27; 22, с. 3 – 17].

На этих постулатах построены большинство периодизационных схем развития неолита Западной Сибири [32, с. 41–53; 1, с. 157–171; 27; 17]. Открытие и исследование в последние десятилетия к востоку от склонов Урала комплексов т. н. боборькинской культуры позволило изменить представления на формирование и развитие западносибирского неолита [10] и процессах неолитизации на восточных территориях равнины. Большое значение в понимании этих проблем имеют материалы поселений Юртобор 3 в Притоболье, мергенского района Нижнего Приишимья [10], Автодром 2/2 в лесостепной Барабе [2, с. 4–13] и Иня 11 в Присалаирье (рис. 1, 1) [11]. Комплексы первых позволяют проследить процесс продвижения боборькинских коллективов, считающихся нами мигрантами из западных и юго-западных областей Восточной Европы на восток, а первые и последний – внутреннее развитие в мигрантских обществах и дальнейшее продвижение от Барабы в Приобье.

Становление, развитие неолитической культуры в Западной Сибири и миграционный процесс приходится на конец бореального начало атлантического пе-

риода голоцена, характеризующегося постепенным увеличением аридности климата и остепнением ландшафтов. Боборькинские коллективы, соорудившие свои поселки на речных и озерных террасах, вероятно, в связи с изменениями гидрологического режима, постепенно переносят их в поймы, к руслам рек и береговой линии озер. Это достаточно наглядно фиксируется на поселениях на побережье оз. Мергенъ. Так три жилища поселка Мергенъ 3 находятся на террасе озера, а поселение Мергенъ 6 расположено у истока речки Мергенъки из озера, в зоне подтопления половодьями в последующее время. В конце существования поселка Мергенъ 6 в Приишимье начинается гумидизация климата, что, вероятно, из-за начавшихся частых половодий, на наш взгляд, заставило обитателей побережья оз. Мергенъ перебраться на террасу и построить новое поселение Мергенъ 7. Подобное расселение неолитических коллективов отмечается также в Барабе и Присалаирье. Так, поселение Автодром 2/2 приурочено к краю второй надпойменной террасы р. Тартас в месте ее наиболее высокой точки, а поселок Иня 11 на склоне высокого берега р. Ини.

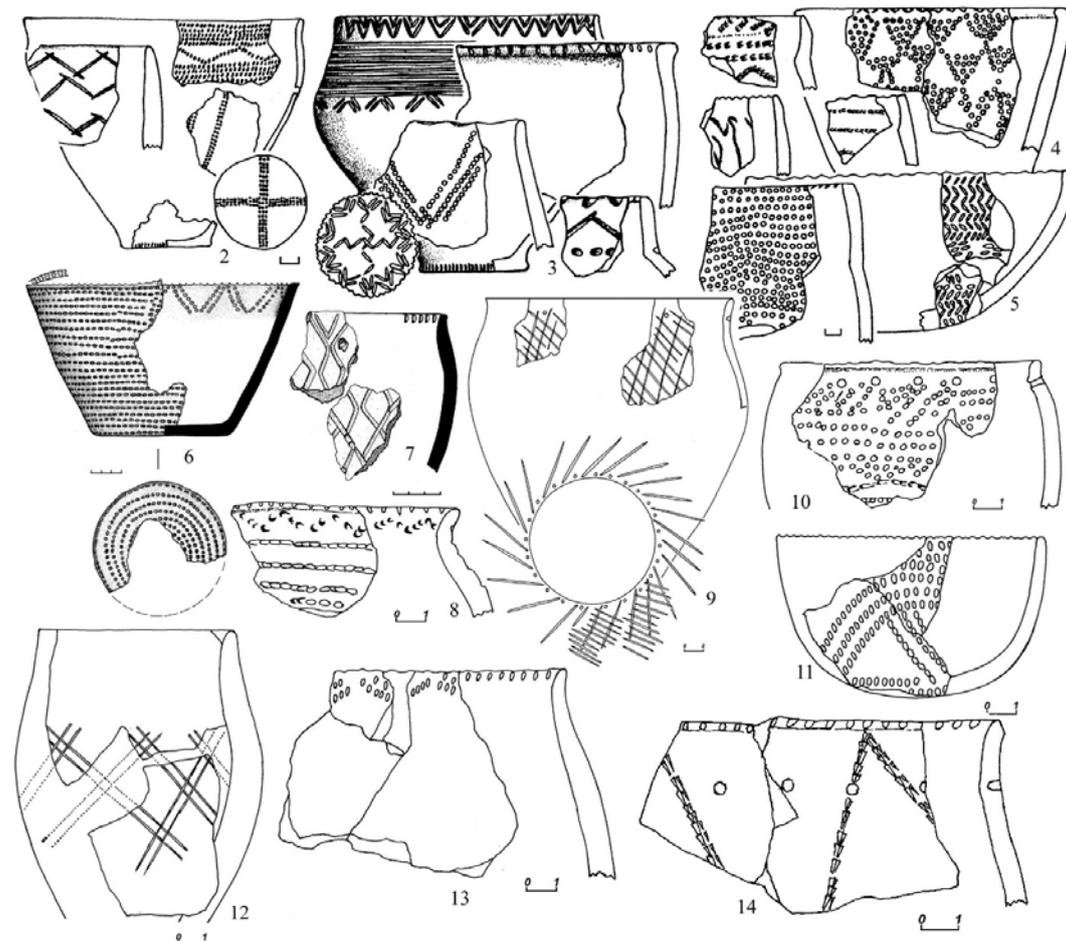
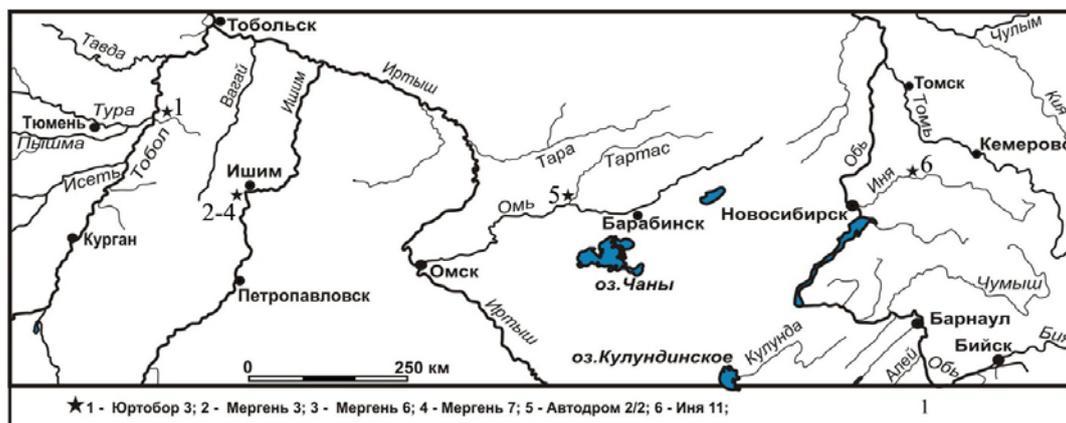

Рис. 1 1 – карта-схема расположения неолитических памятников; 2 – 7 – боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3; 8 – 14 – боборыкинский комплекс поселения Мергень

Керамические комплексы Юртобора 3, мергеньских поселений, Автодрома 2/2 из Барабы и Ини 11 из Присалаирья свидетельствуют, с одной стороны, о сходстве боборыкинских и кошкинских материалов Пришимья и автодромовских из Барабы, с другой – орнамент в виде овальных вдавлений на посуде Автодрома 2/2 находит аналогии на керамике поселения Иня 11. Отмечается также, вероятнее всего, определенное хронологическое сходство между комплексами поселений Мергень 7 и Иня 11. Исходя из серии радиоуглеродных дат по керамике (Кі 17070 7290±140 л. н.), кости (ОхА 27615 7321±33; ОхА 27706 7147±38 л.н.) поселения Мергень 6 и по углю (СОАН 8897 5790±115; СОАН

8898 5705±95; СОАН 8899 5765±95 л. н.) поселка Мергень 7, рассматриваемые нами материалы относятся к двум периодам. С первым связаны боборыкинские и кошкинские комплексы Юртобора 3 (рис. 1, 2–7), оз. Мергень (рис. 1, 8–14; 2, 1–8) и Автодрома 2/2 (рис. 2, 9–17), датирующиеся атлантическим временем, со вторым – материалы поселков Мергень 7 и Ини 11, относящиеся к середине – концу атлантика.

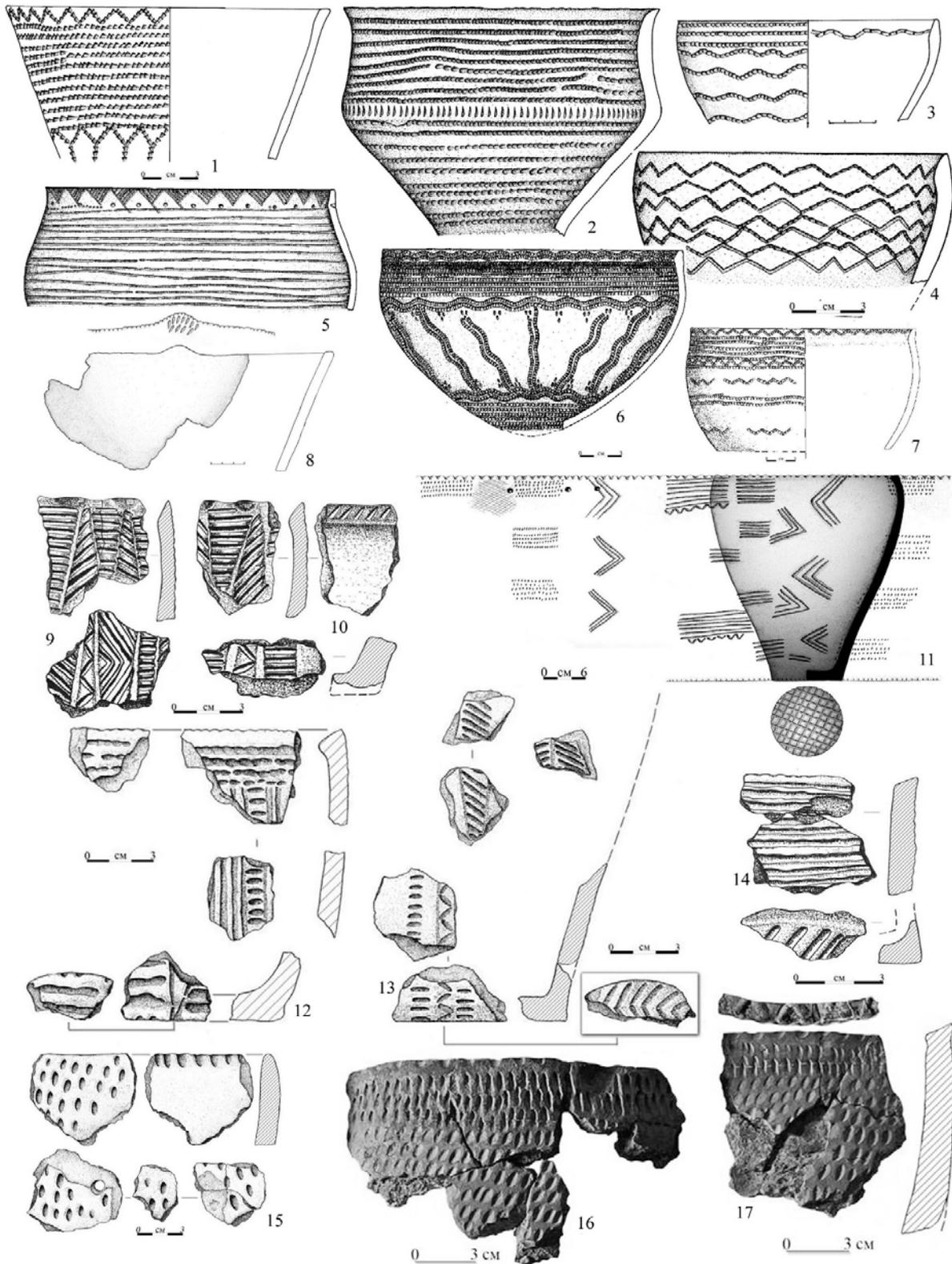

Рис. 2. 1 – 8 – боборыкинский комплекс (кошкинский этап) поселения Мергень 6; 9 – 17 – боборыкинский комплекс поселения Автодром 2/2 (по В. В. Боброву, А. Г. Марочкину, А. Ю. Юраковой)

Исследованные в последние годы ранние поселки побережья оз. Мергень в Нижнем Пришимье, безусловно имеющие огромное значение в понимании западносибирского неолита материалы поселения Автодром 2/2, не вызывают у исследователей особых возражений в определении их близкими к боборыкин-

ским комплексам. Авторы исследований Автодрома 2/2, не считая возможным в настоящее время расширить боборыкинский ареал, рассматривают неолитический поселок как «маркер миграции группы боборыкинского населения из Среднего Зауралья на восток, вдоль лесостепного и предтаежного пояса За-

падной Сибири» [2, с. 4 – 13]. О возможности миграции боборыкинского населения на восток мы высказывались еще раньше, на основании исследования поселения Юртобор 3 из Притоболья, памятников Приобья (Крохалевка 1А, 4) и Присалаирья (Иня 11) [9, с. 12 – 28]. К сожалению, в то время не были исследованы поселения Мергенъ 7 и Автодром 2/2, свидетельствующие о таком миграционном потоке и связывающие, на наш взгляд, боборыкинские комплексы Зауралья и материалы раннего комплекса с р. Ини.

Комплекс поселка Мергенъ 7 является важным в плане продолжения развития боборыкинских и кошкинских древностей, и пока первым во многом аналогичным козловско-полуденковским древностям Зауралья, показывающим сходство процессов развития неолита в Нижнем Притоболье и Приишимье. В заполнении котлованов двухкамерного жилища обна-

ружены фрагменты от 58 сосудов, из которых 79,3 % баночной, а 20,7 % слабопрофилированной формы. Венчики представлены закрытыми, прямыми и отогнутыми формами, для баночных сосудов характерны все три типа венчиков, а для горшков – преимущественно с отогнутым краем. Срезы венчиков плоские или округлые. Из 13 доньшек 7 приостренные, 6 имеют округлую форму. Толщина стенок сосудов в среднем варьируется в пределах 0,5 – 0,8 см. У 42 емкостей на внутренней стороне венчика присутствует наплыв подтреугольной или округлой формы. Чаще всего он хорошо выражен, реже – лишь намечен. Наплыв зафиксирован на сосудах обеих групп, но более характерен для посуды баночной формы. От края венчика «ребро» наплыва удалено от 2 см до 3 см. У пяти сосудов по краю отмечаются выступы – «ушки», а у двух по тулову намечено «ребро» (рис. 3, 1–7).

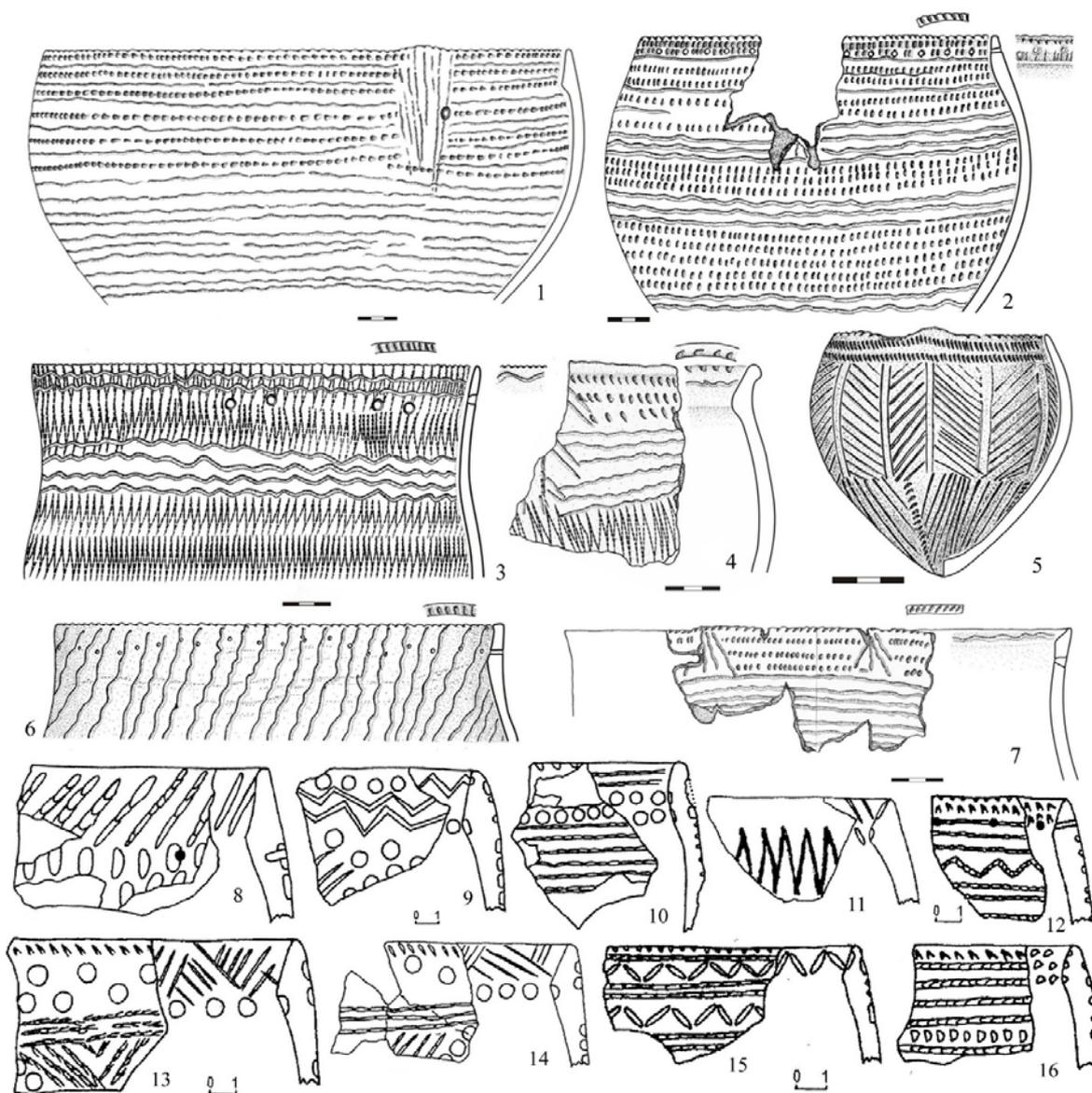

Рис. 3. 1 – 7 – козловский комплекс поселения Мергенъ 7; 8 – 16 керамика изылинского этапа верхнеобской неолитической культуры поселения Иня 11

В орнаментальном плане комплекс демонстрирует определенную монолитность. Выделено четыре техники нанесения орнамента: прочерчивание, накол, «шагающая гребенка» и печатные оттиски, из которых доминирующими являются прочерчивание и накол. В комплексе также выявлен один неорнаментированный сосуд. В качестве орнаментов использовались стержни с округлым или приостренным концом, стержни с раздвоенным концом, гребенчатый штамп, гладкий штамп и естественный орнамент, предположительно челюсть животного. Наиболее используемыми являются стержни с гладким или приостренным концом и гребенчатый штамп. Всего выделено 15 элементов орнамента, абсолютно преобладающими являются горизонтальная волнистая линия и ряд наколов.

Основными мотивами орнаментации служат монотонные горизонтальные ряды наколов и волнистые линии, но на некоторых сосудах выявляются композиционные построения. Наиболее распространенными являются сочетания, в различных вариациях, горизонтальных рядов наколов и волнистых линий, рядов «шагающей» гребенки и горизонтальных волнистых линий. Меньше распространена композиция из трех элементов – горизонтальных рядов наколов, волнистых линий и «шагающей гребенки». На двух сосудах отмечено нанесение одного орнамента поверх другого, в обоих случаях это прочерчивание горизонтальных волнистых линий поверх «шагающей» гребенки. Орнамент на сосудах характеризуется преимущественно сплошным расположением и горизонтальной зональностью. В качестве разделителей выступают прочерченные линии, ряды наколов, реде пояса «шагающего» гребенчатого штампа.

Из 42 сосудов, имеющих с внутренней стороны наплыв, у 17 он орнаментирован волнистой линией, реже гладким «шагающим» штампом, в единичных случаях двойной волнистой, прямой линиями и зигзагом. Прочерченная волнистая линия отмечена на внутренней стороне под венчиком у четырех сосудов без наплыва.

В орнаментации комплекса отмечаются «древовидные» мотивы на сосудах, так, на одном поверхность поделена на две равные части. В верхней расположено чередование прочерченных «древовидных» фигур с «ветвями», направленными вниз или поднятыми вверх. Нижняя зона сосуда заполнена теми же фигурами с «ветвями», направленными только вверх, исполненными в двух техниках – «стволы» в накольчатой, «ветви» в прочерченной.

Анализ морфологических и орнаментальных признаков сосудов позволяет выявить основные черты комплекса поселения Мергень 7, к которым следует отнести преимущественно баночную форму сосудов с закрытыми, прямыми или отогнутыми венчиками, слегка раздутым туловом и округлыми или приостренными доньшками. 2/3 сосудов имеют наплывы с внутренней стороны. По краям венчиков присутствуют выступы – «ушки». Основная часть емкостей орнаментирована полностью, чаще всего в прочерченно-накольчатой технике. Гребенчатый компонент со-

ставляет около 20 % от всего комплекса. Доминирующими элементами орнамента являются горизонтальные волнистые линии и ряды наколов, при подчиненном значении «шагающей» гребенки, а также присутствию «древовидных» фигур в оформлении поверхностей сосудов. Орнаментальное поле в целом имеет горизонтальную зональность с редкими вертикальными разделителями.

К особенностям комплекса следует отнести достаточно высокий процент ямок и сквозных отверстий под краем венчика (31 %), наличие неорнаментированного сосуда, присутствие на двух изделиях пустых зон по тулову и группу емкостей со слабопрофилированной горшечной формой.

Набор основных характеристик, безусловно, сближает материалы поселения Мергень 7 с кругом памятников Зауралья, таких как Евстюниха 1, Ташково 1, Уральские Зори 2, Исетское Правобережное, Кокшаровский Холм, Полуденка 1, Шайдурихинское 5, Козлов Мыс 1, ЮАО 15, ЮАО 18 («8-й пункт»), Дуванское 5 и т. д. [6, с. 44 – 72; 19, с. 112 – 131; 25, с. 32 – 45; 16, с. 46 – 67; 35, с. 162 – 169; 3, с. 125 – 144; 15, с. 148 – 149; 36, с. 86 – 91; 18, с. 30 – 43; 30, с. 116 – 133; 28, с. 144 – 160].

Такая особенность комплекса, как сквозные отверстия и ямки под краем венчика, позволяет сузить круг памятников до расположенных в Нижнем Притоболье – ЮАО 15, «8-й пункт», Дуванское 5 и Соновый Остров, расположенными в Андреевской и Тарманской озерных системах у г. Тюмени.

Интересен развал сосуда, слабопрофилированной горшечной слегка вытянутой формы, с приостренным дном, и округлым срезом венчика, орнаментированным косыми оттисками гребенки. Орнамент разрежен, представлен горизонтальными рядами «шагающей» гребенки по тулову, разделяющими сосуд на верх и низ. Верхняя и нижняя части украшены вертикальными с небольшим наклоном рядами «шагающей» гребенки. Отличие данного горшка от основного комплекса проявляется не только в форме и разреженности орнаментации, но и в технологии изготовления. В формовочной массе присутствуют кварцевая дресва и волос животного. Эти компоненты не характерны не только для керамики поселения Мергень 7, но и для неолитических комплексов Тоболо-Ишимья в целом. Форма сосуда, орнаментация и наличие шерсти и волоса в формовочной массе находят ближайшие аналогии в керамике маханджарской культуры Тургайского прогиба. Вместе с тем для маханджарских комплексов не характерно наличие в формовочной массе дресвы [34, с. 262 – 269; 33, с. 21 – 28]. Примесь дресвы отмечена В. Ф. Зайбертом в атбасарских материалах Северного Казахстана [8], данных же о наличии в них примеси волоса или шерсти животных нет. Возможно, появление профилированных форм сосудов в основном комплексе поселения Мергень 7 связано с контактами с населением Северного Казахстана и Казахстанского Притоболья.

Озеро Мергень находится к востоку от основного ареала козловско-полуденковских древностей, лежащего в лесостепном (Тоболо-Исетское междуречье) и

горно-лесном Зауралье. Поселение Мергень 7 пока можно считать периферийным, маркирующим его восточную границу, вместе с тем имеющим достаточно много сходства в керамическом комплексе Иня 11.

Неолитический комплекс многослойного поселения Иня 11, расположенного на правом берегу р. Ини в 200 – 250 м к юго-востоку от Изылинской пещеры, рядом с сильно заросшей (древней) старицей, достаточно специфичный и выделяется вместе с материалами Крохалева 1А, 4, 5 среди ранее открытых поселений на территории Приобья и Присалаирья [11]. Раскопом площадью 368 м² вскрыта часть склона плавно понижающейся террасы и пойменный участок, на котором отмечалось чередование почвообразовательных горизонтов (погребенных почв, содержащих археологические находки) с речными отложениями, образовавшимися, скорее всего, в результате обильных половодий. Культурные слои неолитического времени находятся на 2,1 – 3,5 м выше июльского уровня р. Ини, а при исследовании самого удаленного в пойму участка раскопа на нижнем уровне активно проступали грунтовые воды, связанные, по всей видимости, с расположенной рядом заросшей древней старицей, уровень воды в которой был выше самой низкой отметки в раскопе. По образцам из разреза Т. Г. Семочкиной проведен спорово-пыльцевой анализ, показавший существование неолитического поселка в аридных условиях среди остепненной лесостепи [13, с. 119 – 130].

Неолитическая керамика встречалась в верхнем горизонте серого суглинка, в слое светло-серого суглинка, глинисто-песчаной прослойке и нижних горизонтах серого суглинка. Представлена сосудами двух типов преимущественно круглодонной, закрытой полуяйцевидной формы, серого и красноватого цвета, с диаметром устья 30 – 40 см. Тесто хорошо отмучено, в качестве отощителей добавлялись песок, шамот, органика, иногда дресва и волос животных (об этом можно судить по толщине отверстий, появившихся после его выгорания). Отличительной особенностью сосудов является наплыв с внутренней стороны венчика, который варьирует по форме и размерам. Скорее всего, он формировался посредством загиба вовнутрь части края сосуда при его лепке, о чем может свидетельствовать несколько фрагментов, у которых с внутренней стороны отмечен своеобразный "карнизик".

В неолитическом керамическом комплексе выделено два типа посуды (второй и третий), в третьем выделено две группы сосудов, различающихся лишь присутствием на первой под краем венчика ямок небольшого диаметра, сквозных или образующих с внутренней стороны "жемчужины". В остальном, в частности, в орнаментации, посуда первой и второй групп практически идентична.

Второй тип керамики, на наш взгляд, генетически связан с 1 и 2 группами 3 типа посуды: сохраняется полуяйцевидная форма, в тесто добавлялись песок, шамот, органические остатки иногда дресва. Обжиг светло- и темно-коричневого цвета. Венчики приотсрпнной, округлой и плоской формы, правда, наплыв с

внутренней стороны отсутствует. В комплексе присутствует один фрагмент венчика с защипом или «ушком», что сближает его с керамикой Зауралья. В другом количественном соотношении, но сохраняется такая же орнаментация и приемы нанесения орнамента, как на посуде третьего типа. Исчезает фигурно-штамповая орнаментация, сокращается доля орнамента с внутренней стороны венчика.

Неолитические комплексы с р. Ини оригинальны и достаточно специфичны, были выделены в изылинский этап верхнеобской неолитической культуры (рис. 3, 8–16). По форме сосудов, оформлении внутреннего края венчика, в некоторых приемах орнаментации посуда находит близкие аналогии в керамике культур Зауралья, Приуралья, Приаралья и Прикаспия [27; 21; 5; 4, с. 6 – 31]. Некоторые элементы орнамента, такие как отступающая палочка, распространены на широкой территории: от Украины на западе, до Ангары на востоке. Орнаментация глубокими круглыми ямочными вдавлениями, характерная для неолитических памятников Европейской части России, встречается в Приуралье, на Усть-Бельском поселении при впадении р. Белой в р. Ангару. Круглые неглубокие ямки, наряду с прочерченной и отступающей техникой нанесения узора, встречаются на керамике боборыкинской культуры Зауралья и других районов [29, с. 173 – 183; 7, с. 109 – 115; 26, с. 88 – 92; 17].

Время существования инских неолитических комплексов определяется на основе палинологических данных. Судя по спорово-пыльцевому спектру нижний слой (светло-серый), суглинок, в котором находилась посуда изылинского этапа, формировался как почва в атлантический период голоцена, в условиях аридного климата. Ландшафты в это время представляли собой остепненные пространства с полынно-маревыми зарослями и небольшими березовыми колками. Стратиграфия голоцена, предложенная Л. А. Орловой для Барабы, позволяет отнести изылинский комплекс к концу первой половины (зона IX) или же самого начала второй половины (зона X) атлантического периода, во временной интервал 6600 – 5410 л. н. [23].

Наиболее близкие аналогии керамические материалы поселения Иня 11 находят в козловских комплексах и, прежде всего, поселка Мергени 7. Их сближает круглодонная форма посуды, а также часть сосудов, имеющие наплыв с внутренней стороны венчиков, в большинстве случаев орнаментированные наколами, рядами отступающей палочки, прочерченной волной, зигзагом и вдавлениями круглой и овальной формы. Комплексы сближает также наличие небольших круглых глубоких ямок иногда с образовавшимися «жемчужинами» с внутренней стороны сосуда. Наряду с перечисленными аналогами, сходство прослеживается частично в геоморфологическом положении культурного слоя, ландшафтах, окружающих поселение и, скорее всего, в хронологическом положении.

При всей специфике орнаментации в виде округлых, овальных вдавлений на Ине 11 этот элемент находит аналогии в небольшой группе керамики поселе-

ния Автодром 2/2, что, на наш взгляд, может свидетельствовать об определенном сходстве, возможно, нового формирующегося орнамента.

Судя по материалам рассматриваемых комплексов процесс неолитизации лесостепных западносибирских обществ происходил, на наш взгляд, на основе мигрирующего населения с включением местных групп с докерамическим хозяйством. О миграции, по нашему мнению, свидетельствуют боборыкинские и кошкинские керамические комплексы, в частности из Приишимья и Барабы, распространение которых шло в восточном направлении. Развиваясь, эти комплексы приводили к формированию новых синкретичных обществ, в которых развивались пришлая отступающе-прочерченная орнаментальная традиция и местная – гребенчатая в пределах Зауралья [12, с. 4 – 14] и, вероятно, с ямочно-отступающе-прочерченными орнаментами в Приобье и Присалаирье.

Процесс неолитизации или контакт мигрантов, пришедших с южных и юго-западных территорий и принеших технологию изготовления глиняной посуды, с западносибирскими аборигенами проходил поразному. Первые активные взаимодействия начинались, как нам представляется, с восточных склонов Урала, Притоболья и Приишимья. Именно в этих областях наблюдаются наиболее ранние контакты и проявления местных орнаментальных традиций. В районах Приобья и Присалаирья неолитизация, судя по материалам с поселения Иня 11, происходит несколько позднее. Этот процесс, скорее всего, проис-

ходил на основе комплексов аналогичных Автодрому 2/2, где основу составляли боборыкинские материалы. В результате продвижения неолитических обществ на восток происходило, с одной стороны, их внутреннее развитие, с другой – передача передовых технологий, в частности, керамического производства, местному населению у которого его не было. Правда, необходимо отметить, что в отличие от территории Зауралья в Приобье и Присалаирье с ранних этапов неолита достаточно длительное время отсутствовала орнаментация гребенчатыми оттисками, что позволило М. Ф. Косареву выделить в этом регионе культурную область с отступающе-прочерченной орнаментальной традицией [20, с. 3 – 13]. На наш взгляд, этот факт может свидетельствовать о довольно слабой заселенности этих территорий аборигенным населением и развитии, в основном, культуры мигрантов.

Таким образом, открытие и исследование поселений на оз. Мergenъ в Нижнем Приишимье, Автодром 2/2 в Барабе и Крохалевка 1А, 4, 5, Иня 11 в Приобье и Барабе, протянувшихся цепочкой по западносибирской лесостепи, показывают направление миграционного потока и первичной неолитизации территории. Для Западной Сибири рассматриваемый процесс принес не только керамическое производство, новые технологии, но произошло и увеличение населения равнины, о чем свидетельствует выросшее количество неолитических поселков.

Литература

1. Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 157 – 171.
2. Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3(18). С. 4 – 13.
3. Бунькова А. А. Керамика из жилища I поселения Полуденка I // ВАУ: сб. науч. трудов. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2011. № 26. С. 125 – 144.
4. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ. 1986. С. 6 – 31.
5. Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука. 1981. 173 с.
6. Герасименко А. А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // ВАУ: сб. науч. трудов. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 44 – 72.
7. Гусенцова Т. М. К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья // КСИА. М.: Наука. 1981. Вып. 165. С. 109 – 115.
8. Зайберт В. Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 220 с.
9. Зах В. А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1995. С. 12 – 28.
10. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск.: Наука, 2009. 320 с.
11. Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.
12. Зах В. А., Исаев Д. Н. Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций в неолите Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1(12). С. 4 – 14.
13. Зах В. А., Семочкина Т. Г. Палинокомплексы поселений неолита – бронзы Присалаирья (бассейн р. Ини) // Палинологические критерии в биостратиграфии Западной Сибири. Тюмень, 1994. С. 119 – 130.
14. Зенин В. Н. Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 59 с.

15. Зырянова С. Ю. Многослойное поселение Шайдурихинское V и проблемы хронологии неолита Среднего Зауралья Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; М-Великий Новгород, 2011. С. 148 – 149.
16. Кернер В. Ф. Поселение Исетское правобережное // Неолитические памятники Урала: сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46 – 67.
17. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ. 1989. 80 с.
18. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // ВАУ: сб. науч. трудов. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 30 – 43.
19. Ковалева В. Т., Ивасько Л. В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала: сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112 – 131.
20. Косарев М. Ф. К проблеме западносибирской культурной общности // СА. М., 1974. № 3. С. 3 – 13.
21. Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала // МИА. М.: Изд-во АН СССР. 1968. Вып. 141. 179 с.
22. Молодин В. И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология южной Сибири. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985. С. 3 – 17.
23. Орлова Л. А. Голоцен Барабы (стратиграфия и радиоуглеродная хронология). Новосибирск: Наука. 1990. 128 с.
24. Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1986. 143 с.
25. Сериков Ю. Б. Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала: сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 32 – 45.
26. Синицына Г. В. Керамика Усть-Бельского поселения // КСИА. М.: Наука. 1979. Вып. 157. С. 88 – 92.
27. Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука. 1990. 218 с.
28. Стефанов В. И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала: сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144 – 160.
29. Телегин Д. Я. Неолитические памятники северной Украины и южной Белоруссии // МИА. М.: Наука. 1973. Вып. 172. С. 173 – 183.
30. Усачева И. В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 116 – 133.
31. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Азии. М.: Наука, 1977. 198 с.
32. Чернецов В. Н. К вопросу о сложении Уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 41 – 53.
33. Шевнина И. В. Гончарство маханджарской культуры // ВААЭ. 2012. № 2(17). С. 21 – 28.
34. Шевнина И. В. Неолитическая керамика Тургайского прогиба (по материалам стоянки Солёное Озеро 2) // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова: сб. науч. трудов. Омск: ОмГУ, 2008. С. 262 – 269.
35. Шорин А. Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 162 – 169.
36. Юровская В. Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // ВАУ: сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрГУ, 1975. № 13 С. 86 – 91.

Информация об авторах:

Зах Виктор Алексеевич – заведующий лабораторией археологии и естественнонаучных методов Института проблем освоения Севера СО РАН, viczakh@mail.ru.

Viktor A. Zakh – Head of the Laboratory of Archeology and Natural Science Methods, Institute of Northern Development, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Еньшин Дмитрий Николаевич – младший научный сотрудник лаборатории археологии и естественнонаучных методов Института проблем освоения Севера, dimetrius666_72@mail.ru.

Dmitriy N. Yen'shin – Junior Research Associate at the Laboratory of Archeology and Natural Science Methods, Institute of Northern Development, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.